

Зима в деревне Сань Ча Коу была безмолвной, как и сама природа. Снега здесь не было, что объяснялось географическим положением. Поля покоились под хмурым небом, работы было мало, и жители деревни коротали дни дома или за неспешными беседами у соседей. В доме семьи Гу, где уже давно отделился второй сын, царила гнетущая тишина. Четыре человека, четыре комнаты, каждый жил сам по себе, словно в пустом пространстве. Гу Шоусин, второй сын семьи, лежал в постели, зарывшись под одеяло. Его взгляд, устремленный на неровные стены, был затуманен. Морщинки на лбу, как отпечатки глубоких раздумий, говорящие о беспокойстве. В кухне, у печи царила тишина. Ксай Сяолин, жена Гу Шоусина, тоже не сводила глаз с глиняных стен. Ее лицо было бледным, словно выцветшая картина, на которой когда-то была изображена надежда. В соседней комнате Гунень, старшая дочь семьи, лежала на кровати, ее глаза то закрывались, то открывались, словно пытаясь увидеть что-то, чего не было. Она не уставала, она смотрела на пустоту, не в силах найти выход. Самая младшая, Гунсин, сидела на низком стуле в центре комнаты, хмурая и боязливая, словно загнанная зверушка. Не зная, к кому обратиться, она скользила взглядом по лицам, ища помощи. Гунсин, маленькая девочка, которой недавно исполнилось десять лет, вдруг ощутила, что с момента ее тяжелой болезни, дом преобразился. Ее отец, бывший хулиганом, пропивающим все деньги, бьющим детей, теперь, казалось, то ли был в бреду, то ли находился в глубокой задумчивости. Он смотрел на нее с нескрываемым недоверием, которое внезапно сменялось облегчением, а затем вспыхивала радость, наполненная какой-то странной искренностью. Гунсин сжимало сердце, она боялась, боялась, что отец, словно некогда продал свою собственную мать, теперь решит избавиться от дочери. Ее мать, всегда трудолюбивая, мастерски водящая хозяйство, умеющая шить, продавая свои работы ради пропитания, обычно была суровой, но справедливой. Она ругала Гунсин за провинности, но не била. Теперь же, еще с того самого дня, когда девочка выздоровела, еда, приготовленная ею, казалась несъедобной. Мать усердно разжигала огонь, но ее движения были медленными, неловкими, и, что самое странное, она не сказала ни слова ругани уже три дня. Старшая сестра Гунень, с тех пор, как научилась вышивать, не занималась ничем более. Ее руки легко скользили по канве, создавая красоту. Но с дня выздоровления Гунсин, она лежит в постели, не вышивая, не говоря, застывшая в бездействии. Гунсин пугало то, что все вокруг словно забыли, что они близкие люди. Они встречались, но не зрились, как в зеркале, где отражение не взаимодействует с оригиналом. Им было равнодушно к тому, что происходит. Гунсин была в ужасе. Что происходит с ее родителями? Что с сестрой? Страх жёг ее изнутри, но девушка еще пыталась убедить себя, что еще не все потеряно. Она встала, потеряла замерзшие руки и пошла в кухню. Дома ее отец и сестра презирали ее за глупость. Они не хотели с ней разговаривать. Мать ругала ее, но хотя бы разговаривала. "Мама, ты топишь печь? Дай я тебе помогу!" Она всегда старалась держаться в стороне, чтобы избежать лишних замечаний, но странное поведение матери не давало ей спокойствия. "А? О, нет, нет, нет! Кашель, кашель-кашель, не замерзла? Я сейчас яйцо сварим!" Ксай Сяолин очнулась, пытаясь проглотить дымовую струйку, охватившую горло во время курения. Она посмотрела на десятилетнюю дочь и почувствовала угрызения совести. Она забыла про еду, и девочка уже голодна. Время обеда, а Гунсин еще не ела. Громкий звук вдруг раздался из желудка Ксай Сяолин. Она посмотрела на свой пустой желудок, затем на одежду, на голые стены и вздохнула. «Я здесь, уже три дня... четвёртый... я не могу вернуться... не могу вернуться!» "Лучше наполнить сначала живот!" Ксай Сяолин подумала: "Хочу плакать".